

Глава 3 - Начало их совместной жизни

Для кого-то в индустрии моды красота была самым важным.

И это был самый большой грех для будущей профессиональной модели, когда у нее не было презентабельного наряда.

Чу Муюй не мог вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как он брал кого-то с собой по магазинам. И все же, еще раз, он сделал исключение для этого недавно подписанного новичка. Это было действительно странно.

В каком-то элитном магазине

"Господин Чу, это наша новейшая коллекция в этом сезоне». Женщина в униформе с улыбкой положила перед Чу Муюем толстый альбом.

Сидя на натуральном кожаном диване в VIP-зале ожидания, Чу Муюй равнодушно листал альбом. Он постучал по двум нарядам якобы небрежно и указал на Нолана, который сидел рядом с ним, когда он сказал даме: «Я возьму эти два наряда его размера».

«Может, сначала примерить?»

"Незачем. Просто снимите с него мерки». Чу Муюй вытащил из бумажника черную карточку и протянул ее даме, которая ярко улыбнулась.

Нолана, у которого над головой было несколько вопросительных знаков, втолкнули в примерочную. После того, как с него сняли мерки, Чу Муюй, который давно ждал у двери, поманил его пальцем.

«Поехали, следующая остановка».

Они последовательно посетили несколько роскошных магазинов одежды высокого класса. Всякий раз, когда ассистенты видели Нолана, они не могли не порекомендовать новые наряды текущего сезона. Когда Чу Муюй оплачивал счет, ему было лень запихивать свою черную карточку обратно в бумажник; вместо этого он без особой осторожности совал её в карман.

При одевании Нолана вообще не нужно было выбирать какие-то шикарные и замысловатые вещи. Чем чище были линии одежды, тем более очевидными становились сильные стороны и аура Нолана.

Когда Нолан переоделся в один из только что купленных нарядов, он дополнил его изысканностью и сделал его еще более приятным для глаз. Впоследствии обнажились

благородный вид и чувство стиля.

«А мы купили не слишком много?» Нолан несколько застенчиво заправил свои длинные волосы за ухо.

«...» Чу Муюй был застигнут врасплох. После тщательных расчетов он понял, что действительно превысил свой первоначальный бюджет. Но одежда, казалось, была сшита специально для Нолана, и он не мог заставить себя оставить его образ полусырым. Чу Муюй слегка кашлянул, изображая гнев, чтобы скрыть свою неловкость: «Кто сказал тебе не брать с собой одежду, когда ты уезжал?»

Людям моря обычно не нужно было носить одежду, огорченно подумал Нолан.

Они отнесли кучу сумок с покупками обратно в квартиру Чу Муюя в центре города. Нолан, наконец, смог сесть на диван и отдохнуть, протягивая свои ноющие ноги.

Квартира Чу Муюя находилась на 18-м этаже. Стоя у французского окна, можно было любоваться ночным пейзажем самого оживленного района города. Квартира имела открытую планировку; за исключением двух спален и туалета, все комнаты можно было увидеть с одного взгляда. Внутреннее убранство всей квартиры хорошо сочеталось с самим Чу Муюем: современный дизайн с теплым серым оттенком в качестве преобладающего цвета. Кроме того, в зале было выставлено множество произведений искусства, которые Чу Муюй собрал со всего мира.

Только когда он заметил сумерки за окном, Чу Муюй, переодевшись в обычную одежду, вспомнил, что еще не приготовил ужин. Он открыл холодильник и порылся в ингредиентах, размышляя над тем, какое блюдо ему приготовить, раз готовил он сам.

«Нолан» спросил Чу Муюй Нолана, сидевшего на диване, «что ты обычно любишь есть?»

Нолан обернулся и посмотрел на Чу Муюя, который завязывал свой кухонный фартук. Он откровенно ответил: «Обычно я ем омаров».

Чу Муюй закрыл дверь холодильника с выражением лица, как будто он не расслышал. Когда он задавался вопросом, не сошел ли этот ребенок с ума от бедности, он спросил: «Креветки?»

"Омаров" Нолан развел руками и немного пожестичулировал: «Мясо лобстеров такого размера самое сладкое. И вкусно, независимо от того, ешь ли ты его сырым или обмакнешь в морскую соль или жаришь на гриле».

«...» Чу Муюй показалось, как будто его сильно ударили по лицу. Сдавшись и больше не беспокоясь, он снял кухонный фартук, который только что надел, и позвонил в отель, чтобы прислали блюдо с сашими.

Неужели все, кто приезжали из маленькой рыбацкой деревни, выросли на омарах? Не знающий ответа на этот вопрос ответ, Чу Муюй начал сомневаться во всем, что знал. Он сел рядом с Ноланом, внимательно изучая последнего с близкого расстояния.

Изящная внешность Нолана и длинные волосы определенно не были такими, какими могли бы быть у рыбаков в маленькой рыбацкой деревушке.

«Только не говори мне, что ты молодой мастер какой-то семьи, который пришел поиграть?» Чем больше он думал об этом, тем более подозрительным все это казалось Чу Муюю.

Нолан на мгновение застыл, рефлекторно выпрямляясь. Он покачал головой и сказал: «Как кто-то, похожий на меня, может быть молодым мастером?» В лучшем случае он был морским принцем людей моря.

С этой твоей «мягкой кожей и нежной плотью» как ты можешь не выглядеть им? Чу Муюй молча возразил. Он заметил, что правая сторона лица Нолана слегка покраснела, а слой гладкой кожи отслоился. Тут же он ясно понял: дело должно быть в том, что кожа настолько нежная, что обгорела на солнце. Чу Муюй безмолвно вошел в свою комнату, достал две бутылки чего-то и сунул их в руки Нолану.

«Эта бутылка предназначена для восстановления после солнечных ожогов. Вымой лицо позже и быстро нанеси это. В этой бутылочке солнцезащитный крем. Не забудь нанести его перед завтрашним выходом».

Нолан только чувствовал, что правая сторона его лица горит и ноет. Кто знал, что кожа, годами находившаяся под водой, будет настолько чувствительна к палящему солнцу? Он потерял бутылочки, которые Чу Муюй с любовью вручил ему, и тепло наполнило его сердце.

«Спасибо. Ты такой же нежный, как и в прошлом».

Словно услышав что-то невероятное, Чу Муюй усмехнулся: «Нежный? Я совсем не нежный. Сейчас я хорошо к тебе отношусь только потому, что ты можешь заработать мне денег».

«Это ложь. Ты явно не такой человек». Нолан обвинил его во лжи.

О мягкости человека нельзя было говорить просто по словам, но по теплу в его глазах, которое проявлялось невольно.

В сердце Нолана Чу Муюй всегда был нежным. Неважно, покупал ли он ему одежду или давал крем сейчас — или когда мужчина выловил его и помог распутать водоросли, в которых он запутался пять лет назад, — мягкость, нежность и забота Чу Муюя исходила из сердца и проявлялась во всех возможных действиях.

Несмотря на то, что Чу Муюй продолжал использовать циничное отношение, чтобы замаскировать себя, Нолан все еще мог чувствовать, что сердце Чу Муюя никогда не менялось.

Чу Муюй ущипнул его за лицо, забавляясь: «Как долго мы с тобой знаем друг друга? Не веди себя так, будто ты видишь меня насквозь».

Нолан потер больное от щипка лицо и возмущенно сказал: «Я уже говорил тебе, мы давно знаем друг друга. Просто ты забыл обо мне».

"Вот как?" Чу Муюй опустил глаза, лица его выражало отчаяние.

Чу Муюй не мог ясно вспомнить большую часть того, что произошло пять лет назад.

Единственное отчетливое воспоминание, которое у него осталось, было, когда после того, как он очнулся в больнице, доктор сказал ему, что он столкнулся с бурным морем во время серфинга на острове Кейя и был опрокинут в море. К счастью, его вовремя спасли. Хотя он был без сознания примерно неделю или около того, его тело довольно хорошо восстановилось, и у него не было никаких затяжных последствий.

Человека, который спас его, звали Ци Чуань. Теперь он его бывший парень.

В то время Чу Муюй установил связь с Ци Чуанем, питая чувство благодарности. Они начинали как друзья, время от времени вместе обедали и ходили смотреть кино по выходным. После того, как они постепенно познакомились друг с другом, Ци Чуань признался ему. И он, недолго думая, согласился.

Он не мог сказать, что он ему нравился, но он ему и не был противен. Хотя они и стали любовниками, его жизнь была такой же, как и раньше.

Как и следовало ожидать, Ци Чуань переехал к нему. Каждую ночь они спали лицом к лицу, обняв друг друга. Как нормальная пара, они медленно привыкали друг к другу в жизни. Ци Чуань был сыт по горло своей прошлой работой, поэтому Чу Муюй взял его на путь профессиональной модели; он помог ему подняться и пополнить ряды лучших моделей страны. У Ци Чуаня обострилась болезнь желудка, и он не мог есть слишком жирную пищу, поэтому Чу Муюй научился готовить и готовил еду для Ци Чуаня. Когда Ци Чуань уставал, болея, он заботился о нем и все делал сам; когда Ци Чуань был мрачен или печален, он также оставался рядом с ним.

И все же, когда Ци Чуань расстался с ним, он заявил, что Чу Муюй его не любит.

Если то, что он сделал, не было любовью, тогда чем это было? Чу Муюй часто задавал себе этот вопрос. Он также не знал, любит он Ци Чуаня или нет. Все это время его сердце было пустым, как будто ему чего-то не хватало. Каждый раз, когда он видел сны в полночь, ему снились

какие-то отрывочные сцены.

Океанская волна высотой в два человека, океанская вода, наполнявшая его ротовую и носовую полости, пузырьки воздуха, выдавливаемые из-за давления на его легкие, синева океана, который был таким глубоким, что никто не мог видеть дно... и пара рук, которые поддерживала его и подняла обратно на поверхность.

Он всегда твердо верил, что эти руки принадлежали Ци Чуаню, и был готов настаивать на том, что любит его. Тем не менее, когда Ци Чуань расторг контракт и перешел в компанию MG, его сердце не почувствовало ни следа боли.

«Ты самый бессердечный человек в мире». Это была оценка, которую Ци Чуань дал ему, когда пригласил первого встретиться в ресторане в последний раз. «От начала до конца ты был закрыт от меня, не желая позволить мне коснуться твоего сердца».

Чу Муюц поболтал красное вино в своем бокале. Сам не веря в это, он сказал: «Я люблю тебя».

«Ты просто ошибочно принял долг благодарности за любовь» Ци Чуань горько улыбнулся: «Точно так же, я думал о тебе только как о трамплине. Так что давай просто назовем это ничьей».

После того, как Ци Чуань ушел, Сунь Илин каким-то образом узнал об этом. Он высмеивал Чу Муюя, смеясь над тем, как последний не мог разглядеть истинную природу Ци Чуаня около года или около того и в итоге пригрел змею на груди.

Возможно, как и сказал Ци Чуань, Чу Муюй не любил его. Он соглашался на все, о чем просил Ци Чуань, просто чтобы вернуть долг благодарности. Какое-то время Чу Муюй беспокоили его личные интересы; и какое-то время он пытался вести безудержный образ жизни, чтобы заглушить сердце. Однако чем более декадентский образ жизни он вел, тем все более пустым и холодным казалось ему его сердце. Когда он снова и снова просыпался от того сна, в котором он падал в океанские глубины, его щеки были мокрыми и холодными на ощупь.

Казалось, он действительно что-то забыл — что-то, что было для него самым важным.

Его воспоминания были прерваны рукой, приложенной ко лбу. Чу Муюй пришел в себя и посмотрел на Нолана, чтобы увидеть, что последний смотрит на него с обеспокоенным выражением лица. Рука, коснувшаяся его лба, чтобы определить температуру, неохотно отдернулась.

«Тебе нехорошо? Ты выглядишь вялым» спросил Нолан.

"Нет" Чу Муюй рукой поправил упавшую челку, изо всех сил стараясь казаться более живым.

«Если тебе будет нехорошо, ты должен сказать об этом, понял?» Нолан убеждал его.

«Будет достаточно, если ты сможешь позаботиться о себе» Чу Муюй усмехнулся.

Нолан посмотрел прямо ему в глаза, немного более высокая линия обзора создавала у Чу Муюя небольшой эффект запугивания. Взгляд Нолана, направленный на него, содержал множество эмоций, которые он не мог понять. Глаза были похожи на глубокий бассейн; движущаяся рябь вызывала в нем нечто вроде неопишуемой пульсации.

Чу Муюй пришел к выводу, что если они продолжат поддерживать этот зрительный контакт, Нолан может поцеловать его.

«Кхм, кхм». Чу Муюй оттолкнул наклонившегося Нолана на некоторое расстояние. Он неловко отвернулся и сказал: «Ты тоже сегодня устал. Умойся и отдохни. Если хочешь принять ванну, иди».

«Тут есть ванна?!» глаза Нолана загорелись, его внимание успешно переключилось. Пробыв на берегу целый день, Нолан почувствовал, что вот-вот превратится в сушеную рыбу.

Увидев его выжидающее выражение лица, Чу Муюй покорно вздохнул. Он встал и направился в ванную.

«Я пойду приготовлю для тебя ванну».

<http://bllate.org/book/14078/1238977>